

К 150-летию со дня
рождения Льва Толстого

«Я ЗАТЕЯЛ РОМАН»

«Декабристы, больше чем когда-нибудь, занимают меня и возбуждают мое удивление и умиление», — писал в июле 1904 года Л. Н. Толстой. Это был период, когда Лев Николаевич в третий и уже последний раз приступил к осуществлению дорогого для него замысла — произведения о декабристах.

Именно интерес писателя к декабристам вызвал рождение всемирно известного шедевра — романа «Война и мир». «Тогда я, собираясь писать о возвратившемся из Сибири декабристе, — вспоминал позже Толстой, — вернулся сначала к эпохе бунта 14 декабря, потом к детству и молодости людей, участвовавших в этом деле, увлекался войной 12-го года, а так как война 12-го года была в связи с 1805 годом, то и все сочинение начал с этого времени». М. И. Муравьев-Апостол, назвавший себя и своих товарищей по тайному обществу «детьми 1812 года», при личной встрече с писателем после своего возвращения из сибирской ссылки говорил ему: «Для того, чтобы понять наше время, понять наши стремления, необходимо вникнуть в истинное положение тогдашней России... нужно в точности изобразить все страшные бедствия, которые тяготели тогда над русским народом: наше движение нельзя понять... вне связи с этими бедствиями, которые его и вызвали...» Старый декабрист имел здесь в виду тяжелое положение вчерашних героев — победителей наполеоновских полчищ — русских солдат, крестьян, вынужденных у себя на родине испытывать по-прежнему «ужасы крепостного права».

Возникновение интереса Толстого к эпохе декабристов в значительной мере определя-

лось его искренним и глубоким уважением к участникам движения. Будучи почти их современником (Толстой родился через три года после восстания на Сенатской площади), он был свидетелем возвращения немногих оставшихся в живых декабристов из Сибири после «амнистии» 1856 года, видел то общественное признание, которым они пользовались в Москве и вместе с тем настороженное внимание к ним со стороны властей.

Прочитав один из выпусков «Полярной звезды», целиком посвященный декабристам, Лев Николаевич писал А. И. Герцену в Лондон: «Вы не можете себе представить, как мне интересны все сведения о декабристах в «Полярной звезде». Я затеял месяца четыре тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист... Тургеневу, которому я читал начало, понравились первые главы».

Прототипом вернувшегося из Сибири декабриста был, как известно, С. Г. Волконский. Толстой познакомился с ним в конце 50-х годов в Москве, встречался во Флоренции. Писателя восхищали внешний облик Волконского, его простота, привычка к тяжелому физическому труду, приобретенная бывшим князем, генерал-майором на каторге. «Это был удивительный старик... Как жаль, что я тогда так мало с ним говорил», — сожалел Лев Николаевич позднее.

В 1878 году, когда после создания «Войны и мира» и «Анны Карениной» Толстой вновь вернулся к идее романа о декабристах, он осуществил свое давнее намерение — поехал смотреть Петропавловскую крепость. Глубокое волнение пережил Толстой при посещении казематов, где томились

декабристы, места казни пятирých руководителей движения. «Не могу выразить того странного и сильного чувства, — писал он, — которое я испытал... когда мне принесли кандалы рчные и ножные 25-го года».

В Москве и Петербурге Лев Николаевич познакомился с П. Н. Свистуновым, А. П. Беляевым и другими декабристами, проводил с ними вечера, слушая их «преlestные рассказы». Нравственная высота лучших представителей движения декабристов поражала Толстого. «Когда вы говорите со мной, — писал он П. Н. Свистунову, — вам кажется, вероятно, что все, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны... потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня...» Позже Толстой напишет о своих впечатлениях от этих встреч: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всякими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после тридцати лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проводившие жизнь в службе, бедах, картах, были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было и помянуть свою жизнь».

Общаясь с декабристами, Толстой стремился выяснить малейшие подробности истории тайных обществ. Он засыпал Свистунова и других своих собеседников-декабристов вопро-

сами об отдельных участниках движения, его привлекала загадочная и героическая фигура Лунина, интересовался Лев Николаевич духовной жизнью декабристов, спорами в их среде.

Осознавая значение выступления декабристов для последующих поколений, Толстой стремился помочь выходу в свет их воспоминаний. При встречах с А. П. Беляевым он с большой заинтересованностью читал его записки и сделал на полях рукописи много отметок.

При работе над романом о декабристах Толстой, как и во всех своих произведениях, стремился найти глубокие психологические мотивы поведения действующих лиц. Конфликт декабристы и самодержавная власть в лице Николая I приковывает его внимание. Писатель ищет сведения, материалы о расправе над декабристами: «Стасова... я очень прошу, не может ли он найти, указать, как решено было дело повешения пятерых, кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными?» В ответ В. В. Стасов, в то время член комитета для собирания материалов по истории царствования Николая I, направляет Толстому уникальный документ — копию с собственноручной записки Николая I о ритуале казни декабристов. Стасов просил писателя соблюдать конспирацию и уничтожить записку после ее прочтения.

А. Н. Толстой отвечал В. В. Стасову: «Не знаю, как благодарить вас, Владимир Васильевич, за сообщенный мне документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня...»

Записка, о которой шла речь, была адресована царем главному распорядителю казни декабристов — петербургскому военному генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову. Вот ее основное содержание: «В кронверке занять караул. Войскам быть в 3 часа. Сначала вывести с конвоем приговоренных к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамен... сорвать мундир, кресты и переломить шпаги, что потом и бросить в приговоренный костер. Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядком в кронверк. Тогда вывести присужденных к смерти на вал, при коих быть священнику с крестом. Тогда ударить тот же бой, как для гонения сквозь строй, куда все не кончится...»

Толстой был потрясен запиской Николая I. Мысль о чудовищной жестокости расправы с декабристами долго не оставляла писателя. Страшная процедура казни представлялась в конкретных образах. В 1898 году в ответ на просьбу Ильи Репина дать сюжет для картины Лев Николаевич предложил «момент, когда ведут декабристов на виселицы». Записка о казни декабристов особенно ясно показывает источник глубокой ненависти и презрения Толстого к Николаю I, выраженные им впоследствии во многих произведениях. Переключаясь с А. И. Герценом, Толстой писал: восстание декабристов «было задвинуто покорными правительству войсками, и наступило грубое, глупое, развратившее людей тридцатилетнее царствование Николая».

Роман о декабристах нелегко давался писателю. Несмотря на помощь друзей и самих декабристов, остро чувствовался недостаток документальных ма-

териалов, прежде всего документов следствия. В конце 1878 года Толстой переживает мучительное состояние: увлечение темой не ослабевает, но вместе с тем приходит сознание невозможности завершить начатый роман. «Работа моя томит и мучает меня, — пишет он Свистунову, — и радует, и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения, но ни днем, ни ночью, ни больного, ни здорового мысль о ней ни на минуту не покидает меня». Январь следующего года разрушает последние надежды: Толстой узнает, что хранящиеся в архиве «дело декабристов недоступно».

С февраля 1879 года писатель прекращает работу над романом. По мнению его биографа, друга семьи П. И. Бирюкова, одной из главных причин этого была невозможность получения нужных ему сведений из государственных архивов. В этом решении Толстого сказались исключительная требовательность к себе как к художнику-историку.

Однако Толстой продолжал интересоваться декабристами и их эпохой. Великий гуманист, он особенно ценил в декабризме идею социальной справедливости, борьбу с крепостничеством, с жестокими порядками в армии, унижавшими и оскорблявшими человека. В публицистической статье «Стыдно» (1895 г.), протестуя против телесных наказаний, Толстой вспомнил «одного из лучших людей своего, да и всякого времени» Сергея Ивановича Муравьева-Апостола, уничтожившего у себя в роте телесные наказания солдат.

Восхищение самопожертвованием и бескорыстием декабристов Толстой сохранил на всю жизнь. «Самоотверженные люди, я их все более и более

уважаю», — говорил он в 1905 году во время своего последнего активного увлечения декабристской темой. Тогда же в русской и заграничной печати появляются все новые мемуары деятелей тайных обществ, под воздействием революционной волны приоткрываются двери архивов для историков различных направлений. Глубокий старик, Лев Николаевич Толстой с энтузиазмом молодости жадно ловит новые сведения о декабристах. Ему доставляют только что вышедшие издания записок И. Д. Якушкина, Д. И. Завалишина, М. /А. Фонвизина, Е. П. Оболенского, В. И. Штейнгеля...

В дневнике домашнего врача Толстого Д. П. Маковицкого есть запись от 23 января 1905 года: «П. И. Бирюков привез Льву Николаевичу от В. В. Стасова документы о декабристах из тайного архива. Лев Николаевич, прочитав некоторые из них, сказал: «Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу». Выписки из дел декабристов Толстой прочел, по его словам, с волнением и радостью, и они вызвали у него «несвойственные возрасту замыслы».

Но времени и сил для их осуществления оставалось слишком мало. Толстой ушел из жизни, оставив многочисленные черновые варианты романа о декабристах, яркие характеристики «людей 14 декабря» и их эпохи. Одно из известных нам последних высказываний Толстого о декабристах приведено в дневнике Маковицкого: «Это были люди все на подбор — как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул».

А. СЕМЕНОВА,
кандидат исторических наук.

Советская Россия 22 августа 1978 г.